Гений или «богохульный клоун»?

Давайте поговорим о Башевисе, пока его портрет не добавили к иконостасу или не возвели ограду, как вокруг Торы, а его книги еще не покрылись пылью. Все в его образе и творчестве вызывает вопросы. На каком языке он писал? На идише? Или маме-лошн был лишь языком его черновиков, как утверждают некоторые критики? К какой литературе принадлежал? Заслуженно ли досталась ему Нобелевка или были более достойные, чем он?

Идиш сегодня — язык вовсе не мертвый — на нем разговаривает до миллиона человек, хотя родным он остается лишь в ультрарелигиозных кварталах в Америке и Израиле. Зато в некоторых кругах еврейской интеллигенции, подобно определенным русских кругам, бытует вера в необходимость «ходить за словом и учиться у мужика». Вот мы и направились в поисках читателей Башевиса к нашему «мужику» — книжный магазин в одном из ортодоксальных еврейских кварталов Нью-Йорка.

На вопрос о наличии Башевиса-Зингера хозяин магазина скороговоркой забормотал что-то вроде «не приведи Господь». По ходу беседы выяснилось, что не только все произведения Башевиса, включая его замечательные детские книжки 1960-х, но даже творчество классиков еврейской литературы Шолома Аша и Шолом-Алейхема подвергалось анафеме различными раввинами. «За распространение «такого» тут могут и стекла выбить, — патетическим шепотом сказал книготорговец. — Могут даже поджечь».

Улицы религиозных еврейских кварталов действительно пестрят так называемыми «пашквилями», где подвергаются анафеме и проклинаются раввины, канторы, простые евреи и, разумеется, книги. Некоторые представители народа Книги не стесняются публично жечь неугодную литературу. И не только жечь. Много лет назад раввины ХАБАДа предали анафеме широко известного раввина Адина Штейнзальца за «слишком живые» подробности его книг о библейских героях. Им не понравилось, что — в полном соответствии с Торой — пророк Элиша у него лысый, а царь Давид — рыжий. Хасидами проклят и популяризовавший хасидизм во всем мире выдающийся философ Мартин Бубер. Тем более под запретом почти вся великая светская еврейская литература.

Идиш в религиозных кварталах удивительно беден и лапидарен, совершенно лишен абстрактных понятий. У нашего, говорящего на идише «народа», как и у легендарного русского «мужика», можно порой отыскать искрометное выражение, сочную брань, поучиться изощренному использованию талмудических и библейских выражений в ругательном, а часто и откровенно матерном смысле. Но истинные сокровища языка — еврейского, русского, любого другого — накоплены в книгах, в литературе, а она как раз нашим «мужикам» недоступна, а их пастырям и вовсе кажется бесполезной и опасной. Впрочем, наш книгопродавец не подвел. Из каких-то глубин, заговорщицки улыбаясь, он достал редкое старое издание одной из самых эротических новелл Башевис-Зингера — «Тойбеле и ее демон», правда, лишь по-английски. И, подумав, предложил целый список эротических, а то и откровенно порнографических названий еврейской тематики.

— Наши «эпикоресы», — с улыбкой заметил рэб Мойшеле, — на еврейском языке такое не осилят.

Grand quotidien
105, Faubourg du Temple - PARIS-X^e
CARTE DE PRESSE
PERSONNELLE
M Icek Hersz ZYNGER
(pseud. I. BASZEWIS)
est collaborateur au journal « La Journée Parisienne » en qualité de
CORRESPONDENT-SPECIAL
Les personnes et les institutions auxquelles cela peut se rapporter sont priées de lui accorder leur concours possible.
Valable pour l'année 1935.
Le Directeur :
Délivré à N. I. H. ZYNGER
Signature du titulaire :

Журналистское удостоверение Башевиса-Зингера, 1935

В 1935 году Ицик Зингер приезжает в Нью-Йорк, не зная ни слова по-английски. Его старший брат Исроэль-Йегошуа устраивает «зеленорога» (так дразнили в Нью-Йорке новых эмигрантов) работать в ежедневной еврейской газете «Форвертс» («Вперед»). В течение двадцати лет Зингер публикует здесь фельетоны, заметки и рассказы под различными псевдонимами: Варшавский, Сегал, Башевис.

Литература на идише в первой половине XX века по праву входила в круг крупнейших и развитых европейских литератур. Она включала весь спектр художественных направлений и течений, охотно усваивала модернистские и революционные художественные идеи нового времени. Среди всего этого разнообразия читатели определяли Башевиса-Зингера как газетного фельетониста, автора «несерьезных» рассказов, а то и порнографера. Он раздражал критиков и большую часть публики своей отчужденностью от общественных проблем, игнорированием «важных» тем.

«Магический реализм» писателя резко отличается от идеализма еврейской литературы. В некоторых кругах его рассматривали как «изменника Израиля» — по названию одного из его рассказов. Хотя «изменял» писатель лишь привычным шаблонам идишистской литературы.

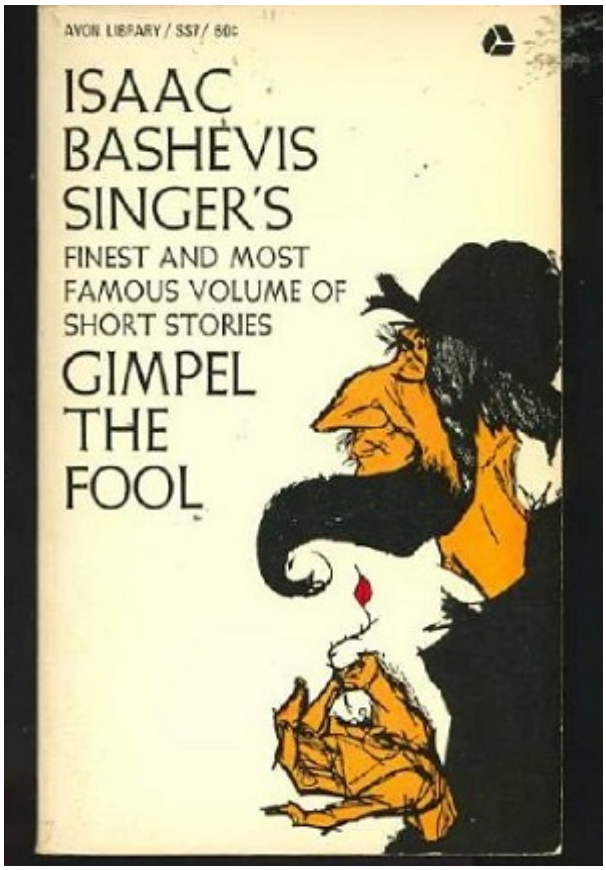
«Нобелевская премия — чудесный сюрприз не только мне, но и всем *читателям* на идише», — отмечает писатель в благодарственной телеграмме Нобелевскому комитету. Известный тщательным выбором выражений, он словно намекает: не писателям и не литературе.

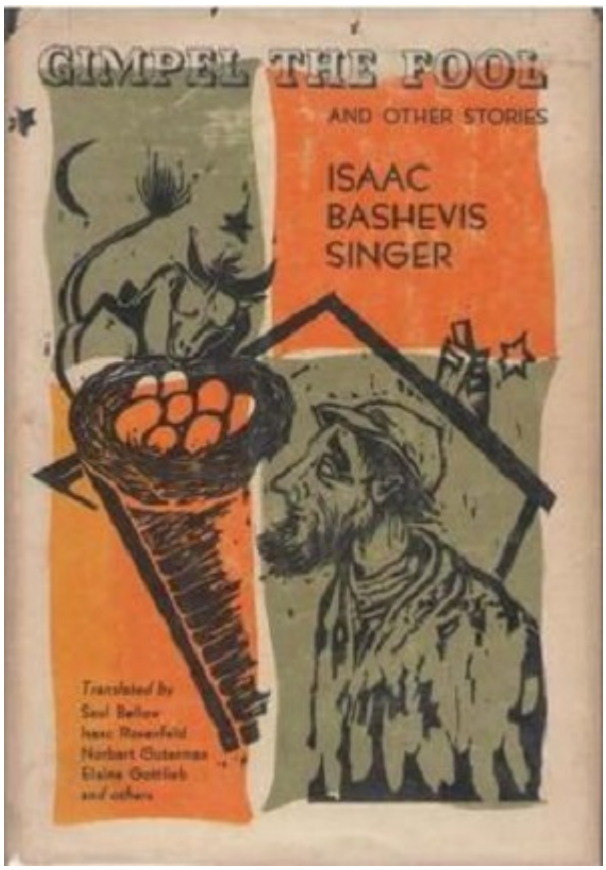
Впрочем, с читателями у Башевиса-Зингера тоже все складывалось непросто. Он быстро обнаружил, что в Америке нет широкой читательской аудитории, к которой он привык в Польше. Писать на «птичьем» языке евреев нью-йоркских, чикагских или бостонских улиц мастер считал ниже своего достоинства. Он негативно отзывался об «американском» идише и творчестве американских еврейских писателей, считая его искаженным «идглиш».

Исаак не побоялся вступить в конфронтацию со всей американской литературой на идише. Он вернулся к самым первым литературным техникам на идише — к монологу. Ведь идиш начинался как разговорный язык. Именно жанр монолога предлагал наибольший выбор изобразительных средств. И Менделе Мойхер-Сфорим, и Шолом-Алейхем, и И.-Л. Перец тоже широко его использовали. Башевис-Зингер был настолько традиционным, что стал новатором. Он создал удивительную серию, казалось бы, традиционных монологов. Но здесь читателя ожидал сюрприз. Отточенный, полный еврейской учености и замечательных идиом монолог произносит… дьявол. Еще более необычно для писателей на идише свободное и откровенное описание сексуальных отношений, любви и страсти.

Смерть талантливого старшего брата, опекавшего его, стала для Исаака своеобразным катарсисом. Он освободился от опеки, от страха необходимости писать «как надо» и понял, что можно писать о том, во что веришь. Было еще одно обстоятельство. В 1943 году Башевис-Зингер отчетливо осознает, что и в Европе у него больше нет читателя. В августе он пишет для журнала «Ди цукунфт» («Будущее») эссе, где заключает, что польского еврейства больше нет. Одним из первых писатель осознает размеры катастрофы, постигшей еврейский народ. Задолго до теологов, размышлявших о «проблемах веры

после Освенцима», писатель определяет: *гетлехт он а гот, велтлех он а велт* — по-божески не иметь бога, по-мирскому не иметь мира. В это время он приступает к переосмыслению еврейской литературы — и ему это удалось. Из писателя конфликтного, осужденного критиками и многими читателями, он с годами превращается в символ, с которым мир ассоциирует еврейскую литературу.

Разные издания повести Башевиса «Гимпл-глупец»

В начале 1950-х годов вокруг нью-йоркского журнала «Партизан ревю» сложилась группа молодых американских евреев-литераторов, получившая название «нью-йоркских интеллектуалов». Их занимал поиск самоидентификации и самоопределения в американской художественной жизни.

Лидер кружка Ирвинг Хоу опубликовал в «Партизан ревю» повесть Башевиса «Гимпл-глупец». Публикация сразу принесла писателю широкую известность среди читающей американской публики. «Нью-йоркские интеллектуалы», как и писатели еврейского происхождения Сол Беллоу, Филипп Рот, с восторгом

восприняли творчество Башевиса-Зингера, определив его в свои «литературные прадедушки». Они выражали чаяния и надежды целого поколения американского среднего класса стать настоящими американцами. Вероятно, не будь Холокоста, американских интеллектуалов вряд ли занимали бы еврейские корни и творчество Зингера.

«Нью-йоркским интеллектуалам», Солу Беллоу или Филиппу Роту казалось, что, осуществляя мечту родителей, они, первые в своем роду *амэриканэр геборэн* (рожденные в Америке, — идиш), становятся «как все» — стопроцентными американцами. Лишь позже многие из них с удивлением обнаружили, что их опыт выходцев из еврейских кварталов Бруклина, Бронкса, Бостона или Чикаго отражает весь конфликт становления послевоенного американского общества. Подобное уже случалось за полстолетия до того, когда открытые Фрейдом закономерности стали достоянием мировой науки, потому что психологическая дилемма венских евреев оказалась универсальным симптомом перехода к индустриальному обществу.

Для очень разных американских писателей-евреев поколения 50-х — Сола Беллоу, Филиппа Рота, Бернарда Маламуда и многих других — Башевис-Зингер стал «литературным предком», «трогательным дядюшкой из провинции». При этом сам Зингер был их старшим коллегой и вовсе не примерял на себя роль «прадедушки».

Его постоянно сопровождали разговоры о непорядочности, скандалы и тяжбы с редакторами и издателями. Писатель отказывал в пресловутом «эксклюзиве» на свое творчество кому бы то ни было. Всеми правдами и неправдами он сопротивлялся диктату и закабалению, с удивительным постоянством пренебрегал так называемыми кодами «интеллектуальной собственности», защищающими рынок, но никак не авторов и творцов.

«Очевидно, Башевис-Зингер не был американским писателем, — говорит Илан Ставанс, редактор собрания сочинений писателя. — Но он стал американским писателем».

Филипп Рот

Сол Беллоу

Более того, его можно по праву назвать зачинателем нового направления в американской литературе — эмигрантской, или, как ее называют, этнической прозы. Башевис-Зингер первым в американской литературе использовал свой родной язык, происхождение, наследие предков, уникальный опыт своего народа для того, чтобы переосмыслить и заново определить магистральное направление американской литературы. Его ошеломляющий успех на крупнейшем в мире американском книжном рынке открыл дорогу множеству писателей-эмигрантов европейского, азиатского и латиноамериканского происхождения. Их мало интересовали подробности еврейской жизни в местечке. Они учились у Зингера древнему, исходящему еще от Библии и Талмуда, еврейскому искусству рассказывать свои истории так, чтоб они приобретали универсальный смысл.

Путь писателя, приехавшего в Америку в 1935 году без единого слова по-английски, а в 1978 году уже произносившего по-английски свою Нобелевскую речь (хоть и начатую на идише), воодушевил многих и многих эмигрантских авторов во всем мире. Ведь эмиграция была не только личной судьбой Зингера, сотни миллионов человек во всем мире узнали ее удел. И здесь, как и прежде, еврейский опыт писателя опять оказался универсальным.

Очевидно, идея совместной переводческой работы пришла к нему после успеха повести «Гимпл-глупец», переведенной Солом Беллоу. Ирвинг Хоу пишет в мемуарах, что «нью-йоркские интеллектуалы», будучи выпускниками светских американских еврейских школ, хорошо знали идиш. Сол Беллоу был очень занят и неохотно откликнулся на приглашение. В конце концов, он пришел и сел за пишущую машинку, заявив, что у него есть время лишь чтобы переводить на месте. Перевод был сделан экспромтом, со слуха. Повесть читали по кускам, обсуждали, а Беллоу переводил и печатал. Так родился американский писатель I.B. Singer. Ему было 49 лет.

Перевод с идиша — дело непростое. Башевис отлично понимал, что создает не просто разные версии, но практически разные произведения по-еврейски и по-английски. На идише он пользовался псевдонимами в полном соответствии с еврейской литературной традицией, где псевдоним — часть нарратива, по сути, еще один герой-рассказчик. Ицхок Башевис у него — для «качественной», высокой прозы, Ицхок Варшавский — для среднего качества литературных статей и рассказов для детей, а Д. Сегал — для полемической, желтой журналистики. Еще он писал эротическую прозу. На идише все псевдонимы отличаются по стилю, по языку и метафорическому ряду, а по-английски сам писатель все свел под именем Башевис-Зингер и добивался стилистического единства.

«Авторизованные переводы» по сути стали вторыми оригиналами его произведений. Писатель читал вслух переводчикам текст небольшими кусками, обсуждал каждое выражение, искал аналоги, тщательно полировал, приспосабливал еврейские рассказы к американскому читателю. Только с английских «авторизованных переводов» он позволял делать переводы на другие языки.

Исраэль Замир с мамой

Уезжая из Польши, Башевис-Зингер бросил там молодую жену Рахиль с новорожденным сыном на руках. Семья их позже через СССР попала в Палестину. Единственный сын писателя вырос в кибуце Бейт Альфа, перевел свою фамилию на иврит (Зингер на идише означает «певец», как и Замир на иврите).

В интервью «Едиот ахронот» Исраэль Замир рассказывал о своих встречах с отцом в Нью-Йорке:

— Я часто бывал у него на квартире в районе Централ парк. Каждый раз он давал мне доллар. Этого, по его мнению, должно было хватать на проезд и еду. Я удивлялся его скупости, но ничего не говорил. Мне было стыдно сказать, что я голоден.

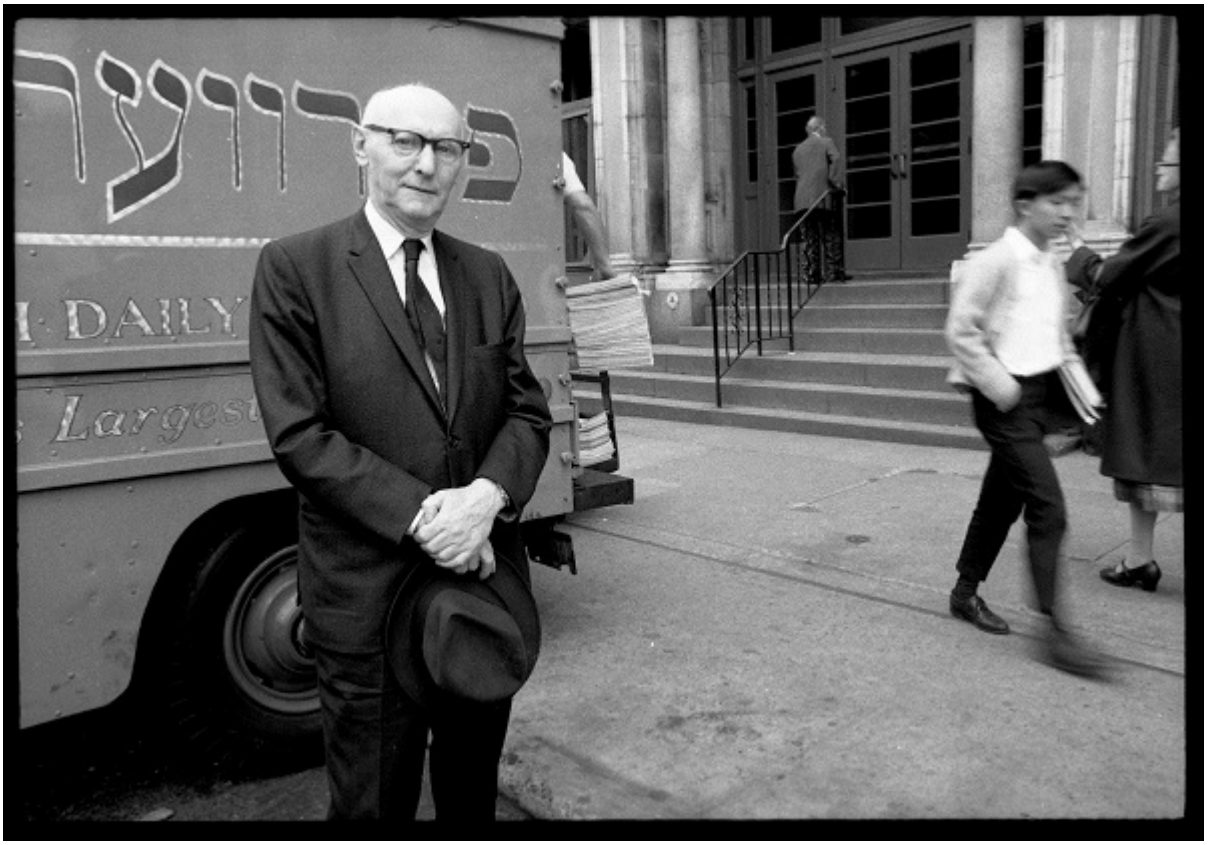
Известный скупостью Башевис-Зингер по отношению к сыну проявил королевскую щедрость:

— Понадобилось время, чтоб сломить отчуждение, понять, что мир вовсе не черно-белый ...Я потихоньку стал читать его книги... Однажды он спросил меня: «Почему бы тебе не перевести что-нибудь мое?» Он читал свои вещи, и мы тщательно, порой часами полировали их, искали нужное слово...

Скончавшийся пять лет назад Замир, похоже, так и не понял, какой поистине царский подарок получил от судьбы. Он тщательно избегал слова «отец», подчеркивая, что никогда не обращался к Исааку «папа»:

— По телефону я говорил ему: «Слушай»... Лишь когда был маленьким, то начинал письма «Дорогой папа». Он был для нас человеком, живущим в Америке и раза два в год присылавшим два-три доллара в письме.

Разумеется, во всем, что касается жизни и творчества Башевиса, субъективное тесно связано с извечными еврейскими конфликтами и архетипами. Символично, что современный стопроцентный израильтянин, профессиональный литератор Исраэль Замир не мог согласиться, что унаследовал нечто от идишиста-отца. «Все, что я выучил, — это из книг», — уверенно говорил Замир. Так и современный Израиль до сих пор не готов к синтезу, не готов признать творчество Башевиса, как и всю культуру восточноевропейских евреев, своей интегральной частью. После получения писателем Нобелевской премии повесть «Раб» вошла в израильскую школьную программу. Но лишь по разделу «иностранная литература».

Писатель на нью-йоркской улице

Сионизм создавался на отрицании галута, прежде всего языка идиш, еврейского бытия в диаспоре. Всякое еврейское преуспеяние в диаспоре рассматривается сионистской идеологией как ненужное, а то и вредное. Тем более, если речь идет о культуре, которую сионизм взялся заменить. Еще сегодня фраза на идише в говорящей на иврите израильской компании вызывает приступ какого-то нездорового смеха. Нетрудно понять, почему именно историческая повесть «Раб» с ее мотивом возвращения в Сион включена в израильские хрестоматии. Она входит в обязательную школьную программу, и ее скучный разбор надолго отбивает у израильского школьника желание читать что-либо из Башевиса.

Особый накал страстей приобрела полемика вокруг писателя, когда стало известно о присуждении ему в 1978 году Нобелевской премии. Не единожды Нобелевская премия по литературе символизировала всемирное признание не писателя, а литературного явления, направления, а то и целой национальной литературы. Похожая ситуация произошла и с Пабло Нерудой, и с Александром Солженицыным, и с Иваном Буниным. Многие считали, что

премия присуждена не самому Башевису, а всей еврейской литературе.

Газеты же писали, что есть более достойные и даровитые художники, например талантливейший прозаик, старший брат писателя Исроэль-Йегошуа Зингер или поэт Яков Глатштейн.

Еврейские критики всегда находили в богатом талантами, но бедном средствами еврейском литературном мире Америки много кандидатов на Нобелевскую премию. Некоторые и вовсе уверяли, что идиш для Зингера не более чем прикрытие, рекламный трюк конъюнктурщика, проходной билет, позволяющий проталкивать порнографические рассказы, эксплуатируя ностальгию американских евреев — заправил литературного мира.

«Я глубоко презираю его, — заявила в июне 2004 года Инна Градэ, вдова еврейского писателя Хаима Градэ. — И очень сожалею, что Америка отмечает юбилей этого богохульного клоуна... Я презираю его именно за то, что он попытался затащить еврейскую литературу и иудаизм, американскую культуру и литературу обратно в Моав».

Инна Градэ, десятилетиями боровшаяся против несправедливого, по ее мнению, восхваления Зингера, намекает на библейскую страну, где дочери соблазнили библейского патриарха Лота совершить инцест. Хаим Градэ — великолепный писатель, лауреат Пулитцеровской премии 1983 года за состоящий из трех романов сборник «Раввины и женщины» — безвременно скончался через год после ее получения.

В 1980 году, во время получения Инной Градэ почетной докторской степени в наиболее престижном американском религиозном еврейском университете Yeshiva University, нападки на Зингера аудитория встретила аплодисментами. В ответ президент университета, известный исследователь Талмуда профессор Норманн Ламм с пониманием заявил: «Были времена, когда литература, даже наша еврейская литература, захлебывалась в грязи греха, цинизма и легкомыслия, затоплялась зловонными потоками аморальности (в оригинале — scatological swamp, потоками дерьма), воспевая очарование демонического и сексуальной распущенности».

Хаим и Инна Граде, 1974

Абрам Суцкевер

В академических и религиозных еврейских кругах до сих пор считают, что Нобелевская премия по праву должна была достаться Градэ. В 2001-м ректор израильского университета Бар-Илан раввин Эммануэль Рекман и известный американский адвокат Стив Вагнер опубликовали эссе, где настаивали: «Факт, что не Хаим Градэ получил Нобелевскую премию ... а наихудший из возможных, наименее приемлемый с еврейской точки зрения автор».

Многим до сих пор трудно простить Башевису-Зингеру, что он никак не укладывался в рамки мифов: не пострадал в Катастрофе, не участвовал в героическом сопротивлении, не был филантропом, презирал всякую общественную деятельность, не являл собой образец нравственности или религиозного усердия. У раввина и профессора иудаики Аллана Надлера имелся еще один кандидат, замечательный поэт: «В то время как Абрам Суцкевер голодал и воевал с нацистами в литовских лесах, под пулями создавая великую поэзию на идише, воспевшую трагическую судьбу евреев, — писал он в «Нью-Йорк Таймс», — Зингер поедал сырные блинчики в знаменитой молочной на 72-й улице, размышляя о польских шлюхах и еврейских бесах».

Манипуляция памятью Холокоста вызывает до боли обидные воспоминания: то ли «шли, как овцы на бойню», то ли «Ташкент защищали». Тем более несправедливы они по отношению к автору, возможно, наиболее пронзительного в современной литературе реквиема по погибшим.

Я — черт, рожденный засвидетельствовать, что не осталось больше бесов на свете. Зачем бесы, если люди стали бесами?..

Я все видел... разрушение Польши. Там больше нет евреев, больше нет чертей. Женщины не выплеснут воду на двор в разгар зимы. Никто больше не чурается набрать четное число предметов. Никто не постучит на рассвете в передней синагоги. Никто не остерегается нас, вычищая грязь. Рабби замучили в пятницу, в месяце нисан. Общину вырезали, святые книги сожгли, кладбище осквернили. «Книга творения» вернулась к Творцу... нет больше грехов, нет больше соблазнов!.. Мессия не приходил к евреям, а значит, евреи ушли к мессии. Здесь больше не нужны бесы.

Рассказ этот по-русски назвали «Последний демон», хотя речь идет не о романтическом лермонтовском Демоне или Пане символистов (они у Башевиса тоже есть), а о народных бесах и чертях, вроде пушкинских из «Сказки о попе».

Отношение самого писателя к Холокосту отличается от общепринятого в еврейских кругах. Зингер не раз касался этой темы, особенно в поздних романах «Враг» и «Тени над Гудзоном». Гитлеровские концлагеря он сравнивает со сталинским ГУЛАГом, а коммунизм у него такое же зло, как нацизм. Его отношение к Холокосту отличает чувство вины. Писатель не винит в гибели евреев себя, Америку, весь мир. Вина, по его мнению, в том, что могли помочь — не молчать. Еще более редкое в еврейском сознании толкование Холокоста — герои «Теней над Гудзоном» несут в себе вину за то, что уцелели. Даже после смерти Башевис-Зингер не перестает раздражать адептов культа Холокоста. Выступающие за права животных вегетарианцы назвали свою кампанию «Холокост на тарелке». В ответ на нервные еврейские протесты они ссылаются на убежденного вегетарианца Башевиса-Зингера, говорившего: «Там, где речь заходит о животных, любой человек становится нацистом. Для зверей каждый день — Треблинка».

Голливудская звезда Джек Леммон читает «Форвертс»

Если еврейская сторона жаждала ответственности за свое еврейство, то американская сторона жаждет идентичности. Американская национальная мифология гласит, что после прибывших в поисках свободы пилигримов, отцов-основателей — все остальные волны эмиграции приезжали, грубо говоря, за колбасой и лишь затем волей-неволей помогали строить Америку. От писателя «этнического», а по сути эмигрантского, здесь ожидают свидетельства от первого лица о голоде, лишениях, погромах, этнических чистках, религиозных преследованиях. Башевис-Зингер не имел, да и не заботился о создании подобного «героического имиджа», секрет всемирного успеха писателя в другом.

«В том-то и разница между хорошим и плохим писателем, — говорит Илан Ставанс. — Хороший писатель убеждает читателей своим творчеством, а плохой старается удовлетворить заказ на то, что нужно».

И к чести американской публики, она приняла необычного автора.

Личная жизнь писателя Башевиса-Зингера еще раз подтверждает известное правило, что таланту не всегда по пути с нравственностью. Накануне отъезда в Америку он был, как сказали бы сегодня, жиголо. Да и американский период его личной жизни можно определить емким русскими словечком «ходок», а американцы интеллигентно назвали бы его «сексуально обсцессивным». Такая обсцессивная сексуальность никак не вяжется с домашней внешностью провинциального дядюшки. Писатель постоянно искал любовные аферы, был плохим отцом, неверным мужем, ненадежным партнером и скверным работодателем.

Единственный сын нобелевского лауреата Исраэль Замир с горечью замечал, что лишь работа над переводом произведений Башевиса-Зингера примирила его с творчеством, но отнюдь не с личностью отца.

— Если во мне есть что-то (от отца), — говорит сын писателя, — то только из его книг. Я дважды ездил в США как посланник. Мы встречались раз в неделю, много времени проводили вместе. У нас создалась своеобразная близость. Он был большим бабником, и мне часто приходилось его прикрывать, врать, будто бы он находится у меня. Между нами была близость, но приятельская, а вовсе не как у сына с отцом.

Исраэль Замир у скульптуры отца в Билгорае

Светская культура на идише сделала возможным интеграцию еврейской культуры в мировую. Вопреки расхожим идеям, национальная душа передается не через кровь, гены или канонические правила, а через язык. Ментальные структуры, отражающие наиболее глубинные архетипы еврейского национального характера, продолжают жить в тех языках, на которых говорят евреи, и идентифицируют себя евреями.

Трудно согласиться со статьями в русскоязычной прессе, повествующими будто бы Башевис-Зингер был певцом еврейского местечка, классиком идишистской литературы. Наоборот, творчество его было новаторским, соединяющим старое, говорившее на идише еврейство с новой реальностью, с новой жизнью, с переходом на новый язык, в совершенно иной мир. Писатель много думал и говорил о так называемой «смерти идиша»:

— Наш язык умирает едва ли не последние 200 лет. Но правда об идише — это правда о еврейском народе: умирая, мы возрождаемся вновь и вновь.

Умирая в своих носителях, влача жалкое существование в резервациях

религиозных гетто, сохраняясь в тиши университетских кафедр, идиш, подобно латыни, сумел возродить свою душу и стать важнейшей частью мировой цивилизации. Культура идиш стала неотъемлемой частью национальных культур Америки, Канады, Мексики, Аргентины, Польши, Чехии, Словакии, Германии. В Беларусь и Украину, как когда-то в Испанию, приходит понимание того, что иудаика и еврейская культура являются важным формантом их современной национальной культуры. Идиш живет в городской европейской культуре, в фольклоре и литературе Нью-Йорка, в кинематографии Голливуда. «Смех сквозь слезы», отмечавшийся Горьким как характерный еврейский признак, через сто лет стал нормативом русской культуры — и здесь возрождаются модели и менталитет людей, мысливших на идише.

Идиш, по выражению Башевиса-Зингера, «язык гордый и не знающий слов войны», стал важной частью коллективного сознания израильтян. Позволю себе предположить, что именно идишистская доминанта израильского менталитета не допустит озлобления и скатывания еврейского государства до образа и подобия своих многочисленных врагов.

Писатель далеко не случайно получил свою Нобелевскую премию и стал для мира символом великой созидающей еврейской культуры. Уникальный еврейский опыт снова особенно важен в стремительно меняющемся современном мире, где похожий процесс переживают сотни миллионов. Зингер отразил, а во многом предвосхитил и сформировал новые тенденции многокультурного мира, отрицающего иерархию культур, признающего равноправное сосуществование самобытных этнических и культурных единиц. Творчество Башевиса-Зингера продолжает золотую цепь еврейской традиции, оберегая от грозящей его сынам опасности предаться фундаментализму, а с другой стороны, помогая его учителям и поводырям избежать окостенения и догматизма.

Михаэль Дорфман